
Идея Учредительнаго Собранія

въ исторіи политическаго самосознанія Россіи.

II. На перевалѣ XX вѣка.

Конецъ девяностыхъ годовъ и первые годы двадцатаго столѣтія.—Политическое пробужденіе и новыя попытки построения программъ.—Возникновеніе россійской соціалъ-демократической рабочей партіи.—Программа и ея отношеніе къ принципамъ демократіи.—Партія социалистовъ-революціонеровъ и ея программа.—«Освобожденіе» и «Союзъ освобожденія». — Идеологія революціи и оппозиціи. — Программа конституціонно-демократической партіи. — Учредительное Собраніе, какъ основной лозунгъ революціоннаго движенія 1905 года.—Попытка монополизаціи этого требованія —Его модификація.—«Законодательное Собраніе съ учредительными функціями».—Партіи, включившія въ свои программы требованіе Учредительнаго Собранія.—Ихъ отношеніе къ принципу Учредительнаго Собранія.

Въ теченіе двухъ послѣднихъ десятилѣтій XIX вѣка — въ продолженіе всего тринадцатилѣтняго царствованія Александра III и первой половины царствованія его злополучнаго сына — политическая жизнь Россіи замерла. Реакція царицы безпросвѣтно и безраздѣльно, методически удушая всѣ проблески независимаго слова и мысли.

Лишенная возможности вступать въ непосредственное соприкосновеніе съ народными низами, искусственно изолированная отъ нихъ политическая идеологія вынуждена была на время исчезнуть съ открытой поверхности жизни. Ей пришлось уйти въ себя, въ свою собственную, поневолѣ ограниченную и мелкую подпольную

кружковщину, въ которой отъ недостаточнаго притока воздуха тускнѣли и блекли всѣ цвѣты и краски жизни. Сознаніе неизбѣжности грядущаго политическаго освобожденія Россіи, владѣвшее поколѣніемъ 70-хъ годовъ, перестало излучать свой яркій и жертвенный пламень. Этотъ пламень на время, если не совсѣмъ погасъ, то сталъ мигать и еле-еле теплиться.

Отдѣльныя попытки, дѣлавшіяся въ девяностые годы, для созданія "Партіи Народнаго Права" или "Союза борьбы за освобожденіе рабочаго класса", не высились до отчетливаго представленія о существѣ послѣдовательной демократіи. Эти попытки, равно какъ и долгая и обостренная полемика противъ, такъ называемыхъ "рабочедѣльцевъ", выдвинувшихъ по принципиальнымъ и по тактическимъ основаніямъ начало эконо м и зма въ противовѣсъ политикѣ, — не встрѣтили широкаго сочувствія и резонанса въ окружавшей средѣ. Имъ суждено было остаться эпизодами, сохранившими значеніе лишь въ предѣлахъ мѣстныхъ интересовъ и внутренней жизни отдѣльныхъ нелегальныхъ кружковъ въ Россіи и въ эмиграціи.

Еще менѣе удачной оказалась единственная за это время легальная попытка, со стороны земскихъ круговъ, воздѣйствовать на правительство моральной силой своего общественнаго мнѣнія. На слѣдующій день послѣ извѣстнаго окрика Николая II, въ январѣ 1895 г., о томъ, что "въ послѣднее время слышались въ нѣкоторыхъ земскихъ собраніяхъ голоса людей, увлекавшихся бессмысленными мечтами объ участіи представителей земства въ дѣлахъ внутренняго управленія", въ Петербургѣ было распространено "Открытое письмо къ Николаю II". Оно не прибавило лавровъ земскому освободительному движенію. Въ отвѣтъ на окрикъ царя авторы письма жалобно оправдывались: "Ни въ одномъ земскомъ собра-

ни не слышалось ни одного голоса противъ самодержавной власти, и никто изъ земцевъ не ставилъ вопроса такъ, какъ его поставили Вы. Наиболѣе передовыя земства и земцы настаивали или, вѣрнѣе, просили лишь о единеніи царя съ народомъ, о непосредственномъ доступѣ голоса земства къ престолу, о гласности и о томъ, чтобы законъ всегда стоялъ выше административнаго произвола“ (1).

Только на рубежѣ двухъ столѣтій, послѣ нѣкотораго освѣженія атмосферы, которое принесли съ собой прокатившіяся волны экономическихъ стачекъ рабочихъ и академическаго движенія студенчества, въ процессѣ своего развитія приобрѣтавшія все болѣе опредѣленную политическую окраску, послѣ эпизодическихъ проявленій крестьянскаго движенія, въ началѣ текущаго столѣтія пробуждается политическая жизнь Россіи. Оживаетъ съ ней и политическая идеологія. Возникаетъ російская соц.-демократическая рабочая партія. Складывается партія социалистовъ-революционеровъ. Создается нелегальный Союзъ Освобожденія. Появляются "Искра", "Заря", "Вѣстникъ Русской Революціи", "Революціонная Россія", "Освобожденіе". Параллельно съ всероссійскими органами и организаціями создаются и мѣстныя територіально-національныя группировки и программы: польскія, литовскія, еврейскія, латышскія, украинскія, грузинскія, армянскія и т. д., слѣдующія своими путями, но, въ общемъ, программно и тактически совпадающія съ тремя основными линиями — социаль-демократической, социаль-революціонной и оппозиціонно-"освобожденской".

Выпустивъ манифестъ о своемъ формальномъ возникновеніи въ 1898 г., російская социаль-демократія

1) См. «За сто лѣтъ (1800—1896).— Сборникъ по исторіи политическихъ и общественныхъ движеній въ Россіи».— Составилъ Вл. Бурцевъ.—1897 —Часть I, стр. 264

фактически послѣ этого на нѣсколько лѣтъ погрузилась въ небытіе. И только въ 1903 г. на, такъ называемомъ, второмъ очередномъ съѣздѣ партія приняла программу, подготовленную для нея редакціями "Зари" и "Искры". Признавая "необходимымъ условіемъ соціальной революціи диктатуру пролетаріата", эта программа ставила рядъ "ближайшихъ цѣлей", причемъ высказывала "твердое убѣжденіе" въ томъ, что "полное, послѣдовательное и прочное осуществленіе" указанныхъ политическихъ и соціальныхъ преобразованій "достижимо лишь путемъ низверженія самодержавія и созыва Учредительнаго Собранія, свободно избраннаго всѣмъ народомъ".

Формально программа соціально-демократіи сочетала социализмъ съ демократизмомъ, диктатуру пролетаріата, какъ "завоеваніе пролетаріатомъ политической власти, которая позволитъ ему подавить всякое сопротивленіе эксплуататоровъ", въ будущемъ съ требованіемъ Учредительнаго Собранія для настоящаго. И вся программа стоитъ не только въ прямой идеологической связи съ воззрѣніями "Группы Освобожденія Труда" начала восьмидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія, она сохранила и личную преемственность благодаря главному автору и защитнику обѣихъ программъ — Г. В. Плеханову.

Съѣздъ, на которомъ обсуждалась и принята была программа соціально-демократической партіи, былъ проникнутъ особымъ піететомъ къ своему предсѣдателю Плеханову, открывшему самый съѣздъ и подчеркнутшему въ первомъ же привѣтственномъ словѣ связь участниковъ съѣзда съ той группой "ветерановъ русской соціально-демократіи, которая двадцать пять лѣтъ тому назадъ, въ 1883 г., впервые начала пропаганду соціально-демократическихъ идей въ русской революціонной ли-

тературѣ“ (1). Тѣмъ большій интересъ и значеніе приобрѣтаетъ пониманіе взаимоотношенія между принципами соціальной революціи и принципомъ демократіи, авторитетно данное на съѣздѣ Плехановымъ. Это пониманіе или толкованіе настолько выразительно и безпримѣрно по своему релятивистическому нигилизму, настолько глубоко связано съ господствующими и нынѣ въ соціаль-демократическихъ кругахъ настроеніями, что мы считаемъ необходимымъ привести полностью весь относящійся къ этому пункту отрывокъ изъ протоколовъ съѣзда.

”Вполнѣ присоединяюсь—началь свою рѣчь Плехановъ — къ словамъ тов. Посадовскаго“. А Посадовскій между прочимъ сказалъ: ”Нѣтъ ничего такого среди демократическихъ принциповъ, чего мы не должны были бы подчинить выгодамъ нашей партіи (восклицанія: ”и неприкосновенность личности?“) Да! И неприкосновенность личности! Какъ партія революціонная, стремящаяся къ своей конечной цѣли— соціальной революціи, мы исключительно съ точки зрѣнія скорѣйшаго осуществленія этой цѣли, съ точки зрѣнія выгоды нашей партіи должны относиться къ демократическимъ принципамъ. Если то или другое требованіе будетъ невыгодно намъ, мы его не будемъ вводить“. (См. ”Протоколы“ съѣзда, стр. 169).

Въ развитіе этихъ словъ Плехановъ продолжалъ: ”Каждый данный демократическій принципъ долженъ быть разсматриваемъ не самъ по себѣ въ своей отвѣченности, а въ отношеніи къ тому принципу, который можетъ быть названъ основнымъ принципомъ демократіи, именно къ принципу, гласящему, что *salus populi suprema lex*. Въ переводѣ на языкъ революціонера это

— 1) См. «Полный текстъ протоколовъ.—Второй Очередной Съѣздъ Россійской Соц.-Дем. Рабочей Партіи» —Изданіе Центральнаго Комитета —Стр. 19.

значить, что успѣхъ революціи — высшій законъ. И если бы ради успѣха революціи потребовалось временно ограничить дѣйствіе того или другого демократическаго принципа, то передъ такимъ ограниченіемъ преступно было бы останавливаться. Какъ личное свое мнѣніе, скажу, что даже на принципъ всеобщаго избирательнаго права надо смотрѣть съ точки зрѣнія указаннаго мною основнаго принципа демократіи. Гипотетически мыслимъ случай, когда мы, социаль-демократы, высказались бы противъ всеобщаго избирательнаго права. Буржуазія италянскихъ республикъ лишала когда-то политическихъ правъ лицъ, принадлежавшихъ къ дворянству. Революціонный пролетаріатъ могъ бы ограничить политическія права высшихъ классовъ, подобно тому, какъ высшіе классы ограничивали когда-то его политическія права. О пригодности такой мѣры можно было бы судить лишь съ точки зрѣнія правила: *salus revolutionis suprema lex*. И на эту же точку зрѣнія мы должны были бы стать въ вопросъ о продолжительности парламентовъ. Если бы въ порывѣ революціоннаго энтузіазма народъ выбралъ очень хорошій парламентъ — своего рода *Chambre Introuvable*, — то намъ слѣдовало бы стараться сдѣлать его долгимъ парламентомъ, а если бы выборы оказались неудачными, то намъ нужно было бы стараться разогнать его не черезъ два года, а, если можно, то черезъ двѣ недѣли“ (Тамъ же: "Протоколы", стр. 169).

Въ этихъ словахъ не въ зародышѣ только, а въ совершенно законченномъ и развитомъ видѣ дано идеологическое обоснованіе и оправданіе того "слова и дѣла", которое пятнадцать лѣтъ спустя фактически осуществили презрѣнные потомки прославленнаго отца марксизма и социаль-демократіи въ Россіи.

При этомъ интересно отмѣтить, что свой реляти-

визмъ въ отношеніи къ принципамъ демократіи Плехановъ сохранилъ до конца своихъ дней. Когда въ январѣ 1918 года на дѣлѣ осуществился "случай", "гипотетически" предвидѣнный Плехановымъ пятнадцать лѣтъ тому назадъ, когда, послѣ "неудачныхъ" для себя выборовъ въ Учредительное Собраніе, большевики разогнали его даже не "черезъ двѣ недѣли", какъ рекомендовалъ Плехановъ въ 1903 г., а всего черезъ семнадцать часовъ, — Плехановъ имѣлъ поводъ снова подтвердить свою вѣрность прежнимъ взглядамъ. Въ "ежедневной рабочей газетѣ" "Наше Единство", выходявшей въ Петроградѣ подъ редакціей Г. В. Плеханова, въ полемическихъ фельетонахъ "Буки азъ — ба" редакторъ авторитетно разъяснилъ, — что "научный социализмъ о тѣхъ или другихъ отдѣльныхъ правилахъ политической тактики или, вообще, политики, судить съ точки зрѣнія обстоятельство времени и мѣста; онъ отказывается смотрѣть на нихъ какъ на безусловныя... Цѣлесообразность — вотъ единственный критерій его въ вопросахъ политики и тактики". Въмѣстѣ съ этимъ разъясненіемъ Плехановъ снова подтвердилъ свою вѣрность только одному безусловному принципу: благо народа — высшій законъ. И я не разъ пояснялъ, что, въ переводѣ на революціонный языкъ, принципъ этотъ можетъ быть выраженъ еще такъ: "высшій законъ — это успѣхъ революціи". ("Наше Единство", № 14 и 16. Петроградъ. Январь 1918 г.).

Полное тождество между политической идеологіей Плеханова и идеологіей тѣхъ, кто разогналъ Всероссийское Учредительное Собраніе, въ этомъ пунктѣ — безспорно. И если одни разогнали Учредительное Собраніе во имя "успѣха революціи" и съ точки зрѣнія "выгодъ" своей партіи, а Плехановъ считалъ этотъ "разгонъ", когда онъ свершился, "ступенью къ гражданской войнѣ среди рабочихъ массъ Россіи", полагая, что "со-

бране, которое разогнали на этихъ дняхъ "народные комиссары", обѣими ногами стояло на почвѣ интересовъ трудящагося населенія Россіи", и, "разгоняя его, "народные комиссары" боролись не съ врагами рабочихъ, а съ врагами диктатуры Смольнаго Института",— то такое расхожденіе въ практическихъ выводахъ изъ одинаковой идеологіи, быть можетъ, болѣе всего и ярче другого характеризуетъ самую идеологию. Утвержденіе "цѣлесообразности" единственнымъ и достаточнымъ критеріемъ для политической оцѣнки оказалось равносильнымъ отрицанію всякихъ политическихъ оцѣнокъ, критеріевъ и принциповъ.

Рядомъ съ такимъ, болѣе чѣмъ условнымъ и относительнымъ, признаніемъ принциповъ демократіи, значительно выигрывало отношеніе къ этимъ принципамъ со стороны партіи социалистовъ-революціонеровъ, организационно сложившейся нѣсколько позднѣе социальдемократической партіи.

Еще въ 1902 году, въ прокламаціи по поводу убійства министра внутреннихъ дѣлъ Сипягина социалистомъ-революціонеромъ Степ. Балмашевымъ, боевая организація партіи заключила серію обычныхъ революціонныхъ лозунговъ возгласомъ: "Мы требуемъ созыва всенароднаго Земскаго Собора!" (1). И въ проектѣ партійной программы, выработанномъ редакціей "Революціонной Россіи" и опубликованномъ ею въ маѣ 1904 года, въ № 46, на основѣ проекта, составленнаго руководителями партіи въ 1903 г., — не совѣмъ оставлень этотъ терминъ "всенародный Земскій Соборъ", отождествлявшійся авторами съ идеей Учредительнаго Собранія. Только на исходѣ бурнаго 1905 года, когда нелегально на Иматрѣ собрался первый съѣздъ пар-

¹⁾ См. «Да здравствуетъ Народная Воля!»—Историческій Сборникъ. № 1.—Paris 1907.—Стр. 31.

тіи соціалістовъ-революціонеровъ, и программа получила окончательную свою формулировку, — въ нее было включено отчетливымъ образомъ и требованіе Учредительнаго Собранія.

Программа заканчивалась обязательствомъ партіи отстаивать свою программу "переустройства всѣхъ современныхъ порядковъ въ духѣ установленія свободнаго народнаго правленія, необходимыхъ личныхъ свободъ и защиты интересовъ труда" въ Учредительномъ Собраніи. Но вмѣстѣ и рядомъ съ этимъ дается обѣщаніе эту же программу "стремиться непосредственно проводить въ революціонный періодъ". Въ этой "непосредственности" сказалась шуйца партіи, ея происхожденіе и неизжитая связь съ унаслѣдованнымъ идеологическимъ прошлымъ: якобинизмомъ "Народной Воли", эпохи ея упадка и марксизмомъ въ его примитивнѣйшей интерпретаціи. Марксизму была отдана и другая, можетъ быть, скорѣе словесная дань, наложившая, однако, свою печать на все послѣдующее развитіе партіи, ея идеологіи и практики.

Программа партіи соціалістовъ-революціонеровъ признавала условно, "въ случаѣ надобности", возможность "временной революціонной диктатуры" рабочаго класса "для реорганизаціи производства и всего общественнаго строя на соціалистическихъ началахъ". Въ "диктатуру" программа вкладывала свой особый смыслъ, который былъ вскрытъ на съѣздѣ однимъ изъ главныхъ авторовъ программы и идеологомъ партіи Тучкинымъ—Черновымъ. "Диктатура есть такая форма власти,—говорилъ В. М. Черновъ,—которая предполагаетъ исключительныя положенія и отсутствіе нормальнаго функционированія государственно-правовыхъ органовъ, правильныхъ юридическихъ гарантій и т. п.". "Къ такой власти можетъ прибѣгать и большинство про-

тивъ неподчиняющагося сильнаго меньшинства, и меньшинство противъ побѣжденнаго нечаяннымъ натискомъ, но готовящагося къ реваншу большинства" (1).

При такомъ толкованіи идея диктатуры, понимаемая обычно въ формальномъ смыслѣ, какъ насиліе меньшинства надъ большинствомъ или какъ захватъ власти меньшинствомъ, утрачивала свое антидемократическое жало. Идея диктатуры здѣсь трактовалась въ матеріальномъ смыслѣ, по **содержанію** тѣхъ полномочій, которыми надѣлялся носитель диктатуры и которыя по своему объему совпадаютъ, въ общемъ, съ тѣмъ, что обычно разумѣютъ подъ терминомъ "сильной власти".

Какой бы смыслъ ни придавали идеологи партіи с.-р. упоминанію въ программѣ диктатуры, какъ бы ни относиться къ предлагавшемуся ими толкованію, — во всякомъ случаѣ нельзя отрицать того факта, что въ то время, когда складывалась партія и вырабатывалась и принималась партійная программа, въ рядахъ партіи были численно весьма значительные элементы, усвоившіе принципы народоправства не безповоротно, а условно: постольку, поскольку эти принципы могли закрѣпить побѣду революціи, обезпечить за народомъ землю и волю и приблизить къ "реорганизаціи всего общественнаго строя на социалистическихъ началахъ".

Въ самыхъ протоколахъ съѣзда можно найти слѣды сбивчиваго отношенія къ идеѣ Учредительнаго Собранія и какъ бы противопоставленіе требованія—Учредительнаго Собранія допущенію диктатуры, какъ мѣры, обезпечивающей завоеванія революціоннаго періода.

Такъ Поморцевъ-Вишнякъ, обращаясь къ присутствовавшимъ на съѣздѣ будущимъ основателямъ народно-социалистической партіи Н. Ф. Анненскому, А. В. Пѣ-

¹⁾ См. «Протоколы перваго съѣзда партіи социалстовъ-революціонеровъ».—Загран. изданіе Центральнаго Комитета, П. С.-Р.—1906 г., стр. 158—159

шехонову, и В. А. Мякотину, поставилъ вопросъ. "преклонятся" ли они "передъ голосомъ" Учредительнаго Собранія, если оно "разорветъ формулу "Земли и Воли" и, закрѣпивъ землю за народомъ, отвергнетъ или ограничитъ народовластіе?" ("Протоколы", стр. 95) (1). Отвѣчавшій на этотъ вопросъ Турскій-Пѣшехоновъ основательно замѣтилъ : "Учредительное Собраніе, созданное при всѣхъ гарантіяхъ на основѣ всеобщаго, тайнаго, прямого и равнаго избирательнаго права, есть для меня верховная инстанція и бунтомъ противъ **такого** собранія я не пойду" ("Протоколы", стр. 96).

Содержаніе отвѣта давало основаніе заключить о томъ, что вопросъ предполагалъ возможность "бунта" противъ правомѣрно созданнаго Учредительнаго Собранія. Такого рода умозаключенія въ позднѣйшей партійной полемикѣ фактически и дѣлались. Между тѣмъ, существо вопроса, направленнаго къ выясненію разногласій, состояло вовсе не въ признаніи или отрицаніи права на бунтъ противъ Учредительнаго Собранія, а въ отношеніи къ принципу диктатуры : возможно ли его примирить съ требованіемъ Учредительнаго Собранія? Является ли требованіе Учредительнаго Собранія требованіемъ безусловнымъ и единственно - возможнымъ или рядомъ съ нимъ, для обезпеченія народовластія допустимо и даже необходимо установленіе "временной революціонной диктатуры"?

Съ того времени партія с.-р. очищалась дважды: отъ входившихъ до 1906-1907 гг. въ ея ряды, такъ называе-

1) Пользуюсь случаемъ, чтобы указать ошибку, въ печати до сихъ поръ не отмѣченную.—При редактированіи протоколовъ 1-го съѣзда партіи с.-р. произошло смѣшеніе именъ—вѣрнѣе, псевдонимовъ—двухъ участниковъ съѣзда: Поморцева и Порошина. Вслѣдствіе этого нѣкоторые максималистическія рѣчи послѣдняго приписаны были первому такъ же, какъ и критическія замѣчанія, направленныя противъ Порошина, адресованы ошибочно—Поморцеву.

мыхъ, максималистовъ и отъ, такъ называемыхъ, лѣвыхъ социалистовъ-революціонеровъ 1917 г. Нельзя, конечно, съ увѣренностью сказать, чтобы и послѣ двукратнаго своего очищенія партія с.-р. въ цѣломъ, вся, безъ остатка, признавала безусловную и абсолютную цѣнность демократическихъ принциповъ, самихъ по себѣ, независимо отъ всѣхъ другихъ ея политическихъ и социальныхъ оцѣнокъ. Тѣмъ менѣе могло это имѣть мѣсто въ періодъ идеологическаго и организаціоннаго оформленія партіи.

Движеніе либерально-конституціонное или, какъ предпочитали его называть адепты, — конституціонно-демократическое по преимуществу не революціоннаго, а оппозиціоннаго характера получило свое литературное выраженіе въ редактированномъ П. Б. Струве въ 1902 году "Освобожденіи". Идеологически и организаціонно близкій къ этому органу Союзъ Освобожденія появился въ 1903 г. И "Освобожденіе", и Союзъ Освобожденія были нелегальны. Но главное свое вниманіе и вліяніе они обращали на земско-городскую среду и открытую оппозиціонно-политическую работу. "Освобожденіе" объявляло себя "партіей переворота", но считало, "съ точки зрѣнія историческихъ и политическихъ соображеній", "практически полезнымъ удержатъ монархическое начало въ томъ строѣ, который въ ближайшемъ будущемъ призванъ смѣнить русское самодержавіе" (№44, мартъ 1904 г.)

Въ октябрѣ 1904 г. состоялась въ Парижѣ Конференція "оппозиціонныхъ и революціонныхъ организацій россійскаго государства", на которой было выработано частичное и временное соглашеніе между рядомъ социалистическихъ, демократическихъ и либеральныхъ партій. Въ этомъ первомъ опытѣ "коалиціи", организованномъ по инициативѣ финляндцевъ, приняли участіе

представители Союза Освобождения, Польской Национальной Лиги (Liga Narodowa), Польской Социалистической Партии (П. П. С.), Партии социалистовъ-революціонеровъ, Грузинской партии социалистовъ-федералистовъ-революціонеровъ (Сакартвело), Армянской революціонной федерации (Дрошакъ) и Финляндской партии активнаго сопротивленія. Къ постановленіямъ Конференціи позднѣе присоединилась Бѣлорусская Социалистическая Громада. Россійская социаль-демократическая партія, социаль-демократія Польши и Литвы и Украинская революціонная партія прислали мотивированный отказъ отъ участія въ Конференціи. Декларация, изданная парижкой конференціей, оставляя неприкосновенными программы и тактическіе приемы каждаго изъ контрагентовъ, констатировала, что всѣ названныя партіи «одинаково признають» однимъ изъ «основныхъ принциповъ и требованій»: «замѣну самодержавнаго строя свободнымъ демократическимъ режимомъ, на основѣ всеобщей подачи голосовъ» (1). Объ Учредительномъ Собраніи декларация не упоминала ни въ какой формѣ.

Революціонная и оппозиціонная идеологія, формулировавшаяся въ значительной мѣрѣ за предѣлами Россіи, въ эмиграціи, взяла рѣзко курсъ на Учредительное Собраніе подъ вліяніемъ тѣхъ событій внѣшнихъ и внутреннихъ, которыя пришлось пережить Россіи за время войны съ Японіей, послѣ убійства Плеве и подъема общественнаго и народнаго движенія.

Еще въ октябрѣ четвертаго года проф. Е. Трубецкой говорилъ о тѣхъ условіяхъ, при которыхъ «намъ нечего» будетъ «бояться ни внѣшняго, ни внутренняго

¹⁾ См. «Протоколь» конференціи и «Декларацию» въ № 56 «Революц. Россіи» отъ 5 декабря 1905 г. и въ № 17 «Листка Освобожденія» отъ 2 дек. 1904.

врага"; онъ славилъ "престоль, собравшій вокругъ себя землю". (См. "Право". — Еженедѣльная юридическая газета. — СПб. — №39 за 1904 г.) Для подцензурной печати и это казалось необычайнымъ. Е. Трубецкому вторили своими постановленіями нѣкоторыя земскія собранія.

А всего только черезъ мѣсяцъ, въ связи съ собравшимся въ Петербургѣ 6-9 ноября "частнымъ совѣщаніемъ земскихъ дѣятелей", уже посыпались заявленія, категорически требовавшія созыва Учредительнаго Собранія. Эти заявленія, направлявшіяся къ 'частному совѣщанію", исходили, правда, отъ безвѣстнаго "собранія кievскихъ общественныхъ дѣятелей", "собранія въ Москвѣ", "слушательницъ высшихъ женскихъ курсовъ" и т. д. (1) Самое же совѣщаніе 106 земцевъ, несмотря на свой частный характеръ, не рискнуло включить въ свои пункты требованіе Учредительнаго собранія. Мнѣніе большинства — болѣе радикальнаго, чѣмъ меньшинство — по существу склонилось къ идее Земскаго Собора. Знаменитый 11-ый пунктъ резолюціи скромно "выражалъ надежду, что Верховная Власть призоветъ свободно избранныхъ представителей народа, дабы при содѣйствіи ихъ вывести наше отечество на новый путь государственнаго развитія въ духѣ установленія началъ права и взаимодѣйствія государственной власти и народа". (2)

Общественное возбужденіе зашло, однако, къ тому времени гораздо дальше того, чтобы остановиться на этой мало опредѣленной формулѣ, которую позднѣе, уже заднимъ числомъ, пробовали интерпретировать, какъ выраженіе пожеланія Учредительнаго Собранія.

¹⁾ См. «Земскій Сѣздъ 6-го и сл. ноября 1901 г.—Краткій Отчеть.—Paris. 1905.—Приложеніе.

²⁾ Тамъ же, стр. 17 и слѣд.

Политическая весна съ ея бурнымъ половодьемъ прорывала всѣ плотины и преграды и явочнымъ порядкомъ, вопреки цензурнымъ и полицейскимъ запрѣтамъ, неудержимо внѣдряла въ общественное сознаніе идею Учредительнаго Собранія. 22-го ноября 1904 г. впервые въ легальной печати появляется сообщеніе о томъ, что въ Петербургѣ на банкетѣ представителей интеллигентныхъ профессій въ количествѣ 676 человекъ принято было требованіе “немедленнаго созыва учредительнаго собранія изъ представителей всего населенія російскаго государства”. Съ газетныхъ столбцовъ, изъ полулегальныхъ собраний и открытыхъ банкетовъ, изъ отдѣльныхъ кабинетовъ и ресторановъ это требованіе перекочевало на улицу. Всѣ манифестаціи и демонстраціи дѣлаютъ его своимъ.

Возникающее въ первые дни 1905 года движеніе петроградскихъ рабочихъ первоначально не выходитъ за предѣлы экономическихъ требованій. Только съ развитіемъ движенія, въ самомъ процессѣ стачечной борьбы, оно эволюціонировало въ сторону политики. Лишь 6-го января стоявшій во главѣ движенія священникъ Гапонъ впервые присоединилъ къ экономическимъ требованіямъ “пункты” политическаго характера: амнистію, отдѣленіе церкви отъ государства, всеобщее обученіе и “самую главную просьбу” — Учредительное собраніе. Въ самой “петиціи”, съ которой 9 января петербургскіе рабочіе съ ихъ “женами, дѣтьми и безпомощными старцами-родителями”, въ числѣ “больше 300 тысячъ”, пошли къ Зимнему Дворцу, пунктъ объ Учредительномъ Собраніи былъ сформулированъ слѣдующимъ образомъ: “Разрушь стѣну между тобой и твоимъ народомъ, и пусть онъ править страной вмѣстѣ съ тобой. Вѣдь ты поставленъ на счастье народу, а это счастье чиновники вырываютъ у насъ изъ рукъ... Не

отталкивай же его (народа) помощь, прими его; повели немедленно сейчас же призвать представителей земли русской отъ всѣхъ классовъ, отъ всѣхъ сословій...Пусть каждый будетъ равенъ и свободенъ въ правѣ избранія, а для этого повели, чтобы выборы въ учредительное собраніе происходили при условіи всеобщей, тайной и равной подачѣ голосовъ — это самая главная наша порсыба; въ ней и на ней зиждется все, это главный и единственный пластырь для нашихъ больныхъ ранъ, безъ котораго эти раны вѣчно будутъ сочиться и быстро двигать насъ къ смерти.”

9-го января былъ нанесенъ окончательный ударъ утопической мечтѣ добиться созыва Учредительнаго Собранія путемъ всеподаннѣйшаго ходатайства и полюбовнаго соглашенія самодержавія съ народоправствомъ. И уже ночью того же краснаго воскресенья Гапонъ “разрѣшалъ” “солдатскую клятву измѣннику-царю, приказавшему пролить неповинную народную кровь”, и привѣтствовалъ “начало народной борьбы за свободу”. Революціонное движеніе получило рѣзкій и сильный толчокъ. Послѣ девятаго января оно стало развиваться быстрѣе, шире и глубже. “Девятое января, — писалъ тогда же В. Г. Короленко, — поднялось надъ единообразіемъ нашей “равнинной исторіи”, надъ ея буераками и оврагами, подъ холмиками “довѣрія” и извилинами бюрократической реакціи, — какъ первый крупный изломъ нашего горизонта, за которымъ, быть можетъ, въ загадочномъ туманѣ уже рисуются другіе — и выше, и обрывистѣе, и круче”. (“Русское Богатство” за 1905 г. № 1, стр. 167-168).

Движеніе развивалось подъ знакомъ Учредительнаго Собранія. Этотъ лозунгъ съ каждымъ мѣсяцемъ вербовалъ все новыхъ сторонниковъ, приобрѣтая признаки требованія всенароднаго, общенациональнаго. Зо-

ву времени отдали дань всѣ классы и профессіи. Идея Учредительнаго Собранія, казалось, покорила всѣ умы и вкусы. И отечественная литература, въ качествѣ памятника 1905 года, сохранила такія мало изящныя вирши, въ которыхъ писательское чутье взяло рѣшительный верхъ надъ послѣдними остатками художественной чуткости :

"Долой безправіе ! Да здравствуетъ свобода !

И Учредительный да здравствуетъ Соборъ !".

— восклицалъ В. Г. Танъ, примиряя разомъ сторонниковъ Земскаго Собора съ защитниками Учредительнаго Собранія.

Въ условіяхъ, переживавшихся Россіей послѣ девятаго января, остававшійся нелегальнымъ Союзъ Освобожденія, естественно, не могъ не прислушаться къ единодушному голосу страны, все настойчивѣе требовавшему созыва Учредительнаго Собранія. Въ опубликованной впервые въ № 69-70 "Освобожденія" (отъ 20/7 мая 1905 г.) программѣ Союзъ Освобожденія находилъ, что "тяжелый, и внѣшній, и внутренній кризисъ, переживаемый Россіей, въ настоящее время настолько обострился, что народъ долженъ взять разрѣшеніе этого кризиса въ свои руки, вмѣстѣ съ другими общественными группами, выступившими противъ существующаго режима". Союзъ, поэтому, требовалъ "немедленнаго созыва Учредительнаго Собранія на началахъ всеобщей, прямой, равной и тайной подачи голосовъ для выработки русской конституціи". То же требованіе мы находимъ въ изданномъ приблизительно тогда же "Основномъ Государственномъ Законѣ Россійской Имперіи" съ предисловіями, примѣчаніями и объяснительной запиской. Въ первомъ предисловіи за подписью Петра Струве указывается, что текстъ Закона былъ установленъ нѣсколькими членами Союза Осво-

божденія еще "въ октябрѣ 1904 г., т. е. до январскихъ событій". Подъ непосредственнымъ вліяніемъ январскихъ событій въ немъ явился, можетъ быть, лишь отдѣлъ XII — "О выработкѣ и приведеніи въ дѣйствіе основнаго государственнаго закона". Здѣсь опредѣленно и категорически признается "единственнымъ и правильнымъ путемъ къ осуществленію программы... Созывъ Учредительнаго Собранія, свободно избраннаго всенароднымъ прямымъ, равнымъ и тайнымъ голосованіемъ.. Только въ такомъ случаѣ законъ этотъ будетъ исходить изъ соотвѣтствующаго его значенію источника — изъ воли народа". (1)

Притягательная сила идеи Учредительнаго Собранія оказалась настолько значительной, что она вызвала даже попытку заявить привиллегію на этотъ лозунгъ для монопольнаго его использования въ партійныхъ и классовыхъ цѣляхъ.

"Требованіе Учредительнаго Собранія, будучи нѣкогда выставлено въ письмѣ Исполнительнаго Комитета Народной Воли Александру III (2), было первою изъ нынѣ дѣйствующихъ политическихъ партій введено въ свою программу партіей російскаго пролетаріата, въ противовѣсъ, такъ легко прикрывавшей собою славянскія мечтанія, стереотипной формулѣ "Земскаго Собора". Такъ писалъ Л. Мартовъ въ "Искрѣ" (№ 79 отъ 1 дек. 1904 г.). Ему вторилъ Ф. Данъ, въ той же "Искрѣ" (№ 86 отъ 3 февраля 1905 г.) утверждавшій, что "Соціалъ-демократія одна несла его (лозунгъ Всенароднаго Учредительнаго Собранія) рабочему классу, и, не руководя петербургскимъ движеніемъ организаціонно, она

¹⁾ См. «Основной государственный законъ Россійской Имперіи»—Проектъ русской конституціи, выработанный группою членовъ «Союза Освобожденія».—Изданіе редакціи «Освобожденія».—Paris. 1905.—Стр. 33—34 и VII.

²⁾ Негочность этого утвержденія мы отмѣтили въ предыдущей главѣ.

въ значительной степени руководила имъ политически" (1). Когда же авторъ цитируемыхъ строкъ попытался генеалогически установить преемственную вѣрность социаль-демократіи идеѣ Учредительнаго Собранія, ему не оставалось упомянуть ни о чемъ другомъ, кромѣ "Социаль-демократа", выходившаго въ Женевѣ въ 1890 и 1892 гг. А тамъ, въ этомъ "трехмѣсячномъ литературно-политическомъ обзорѣ", въ статьѣ по поводу голода, написанной Плехановымъ, нельзя было, увы, найти ничего иного, кромѣ противорѣчиваго сочетанія "стереотипной" славянофильской формулы съ требованіемъ, якобы впервые введеннымъ "партіей россійскаго пролетаріата". "Всѣ... честные русскіе люди... — читаемъ мы въ этой статьѣ — должны немедленно начать агитацію въ пользу созванія Земскаго Собора, долженствующаго сыграть роль Учредительнаго Собранія, т. е. положить основы новаго общественнаго порядка въ Россіи" (разрядка подлинника: "La Démocratie-Socialiste". — "Социаль-Демократъ". — Книга четвертая. — 1892 г. — Стр. 101).

Если одни вмѣстѣ съ ростомъ движенія пытались монополизировать притягательный для массъ лозунгъ Учредительнаго Собранія, то другіе, еле успѣвъ принять этотъ лозунгъ, вмѣстѣ съ встрясками и колебаніями, испытываемыми движеніемъ, стали колебаться и въ правильности только что принятаго ими рѣшенія. Неустойчивость обнаруживалась не только въ моменты неудачъ и поражений. Она проявлялась и въ моменты крайняго напряженія и подъема движенія, особенно ярко сказываясь въ періоды достиженія какихъ-либо видимыхъ, хотя бы ничтожныхъ или призрачныхъ результатовъ. Именно тогда рѣзко падала кривая полити-

¹⁾ См. «Искра». — Центр. Органъ Росс. Соц.-Дем. Рабочей Партіи. «За два года». — Изд. С. П. Салтыкова. — Стр. 262 и 266.

ческих устремлений средних колеблющихся и малоустойчивых групп и элементов.

Начиная съ указа 12 декабря 1904 г., продолжая рескриптомъ на имя Булыгина 18 февраля 1905 года, приѣмомъ земской депутаціи 6 іюня и кончая учрежденіемъ (законодательной) Государственной Думы 6 августа, — каждая изъ этихъ датъ служила новымъ поводомъ къ тому, чтобы либерально - конституціонные круги на столбцахъ даже такихъ испытанныхъ органовъ, какъ "Русскія Вѣдомости", "Право", даже радикальный "Сынъ Отечества", -- провозглашали наступленіе "новой эры", "новоротнаго дня", "новой грани въ нашей исторіи" и т. п. Стоило, однако, пройти всего нѣсколькимъ недѣлямъ вслѣдъ за "новой эрой", и тѣ, кто провозглашали ея наступленіе, сами убѣждались, что все осталось по старому. И опять ихъ политическія устремленія становились болѣе рѣшительными, ихъ оппозиція болѣе яркой и послѣдовательной впрядь до слѣдующей "новой эры".

Такая двойственность создала объективныя условія для двоякаго рода толкованія въ будущемъ политической идеологіи "освобожденскаго", или земско-городскаго теченія, оформившагося въ процессѣ движенія 1905 года въ самостоятельную политическую партію — конституціонно-демократическую, или партію народной свободы.

Въ іюлѣ 1905 г. въ "Русскихъ Вѣдомостяхъ" былъ опубликованъ "Проектъ основнаго закона Россійской Имперіи", выработанный комиссіей бюро общеземскихъ сѣздовъ. Этотъ проектъ отличался отъ упомянутаго выше "Основнаго государственнаго закона", спроектированнаго группою членовъ Союза Освобожденія, тѣмъ, что онъ не обладалъ "законченностью" послѣдняго, а "какъ бы слѣдуя установившейся у насъ

законодательной практикѣ, вливаетъ новое содержаніе въ старыя формы, служа дополненіемъ, измѣненіемъ и отмѣною существующихъ законовъ". (См. редакціонную замѣтку "Русскихъ Вѣдомостей" № 180). Перепечатавая этотъ проектъ за границей, редакторъ "Освобожденія" предпослалъ ему предисловіе, въ которомъ называетъ проектъ "политической программой общеземскихъ сѣздовъ". Предисловіе датировано — "Сентябрь 1905 г." (1). Ни однимъ словомъ, ни въ какомъ сочетаніи эта политическая программа объ Учредительномъ Собраніи не упоминаетъ.

А черезъ мѣсяцъ учредительный сѣздъ партіи на своемъ полулегальномъ засѣданіи 14 октября 1905 г. въ Москвѣ, во время всероссійской стачки, объявлялъ "требованія забастовщиковъ" и среди нихъ — "свободное избраніе народныхъ представителей въ Учредительное Собраніе на основаніи всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго голосованія" "общими съ требованіями конституціонно - демократической партіи". Заявляя "свою полную солидарность съ забастовочнымъ движеніемъ", к.-д. партія въ эти дни видѣла "вопросъ уже не въ томъ, согласятся ли ввести политическую свободу сверху. Вопросъ только въ томъ, осуществится ли свобода путемъ насильственнымъ или мирнымъ : путемъ стихійнаго взрыва или организованнаго дѣйствія народной силы".

Пятый пунктъ постановленій, принятыхъ сѣздомъ на другой день послѣ изданія манифеста 17 октября, считалъ, что "Государственная Дума не можетъ быть признана правильнымъ народнымъ представительствомъ, и задачей конституціонно-демократической пар-

¹⁾ См. «Матеріалы по выработкѣ русской конституціи — Выпускъ третій. Проектъ основнаго закона Россійской Имперіи». — Выработ. комиссіей бюро общеземскихъ сѣздовъ. изданіе ред. «Освобожденіе» — Paris. 1905.

ти, поэтому, остается достижение поставленной раньше цели — Учредительного Собрания, на основѣ всеобщаго и равнаго избирательнаго права, съ прямымъ и тайнымъ голосованіемъ, безъ различія пола, національности и вѣроисповѣданія“.

Соотвѣтственно съ этимъ и депутація, такъ называемаго, "Организаціоннаго бюро сѣздовъ земскихъ и городскихъ дѣятелей", въ лицѣ Головина, Кокошкина и Г. Е. Львова, въ бесѣдѣ съ графомъ Витте, состоявшейся 21 октября, опредѣленно заявила: "Единственный выходъ изъ настоящаго положенія — созывъ Учредительнаго Собранія для выработки основнаго закона". И В. Д. Набоковъ — одинъ изъ видныхъ участниковъ и земско-городскихъ сѣздовъ, и конституціонно-демократической партіи могъ въ то время съ безспорнымъ основаніемъ сказать, что "созывъ Учредительнаго Собранія является непосредственной и ближайшей задачей дѣятельности партіи" (1).

И всего черезъ какихъ-нибудь двѣ недѣли ноябрьскій сѣздъ земскихъ и городскихъ дѣятелей, собравшійся почти въ томъ же составѣ и подъ руководствомъ тѣхъ же политическихъ лидеровъ, поименнымъ голосованіемъ, большинствомъ 137 голосовъ противъ 80 столь же опредѣленно отвергъ предложеніе включить въ резолюцію требованіе о "созывѣ Учредительнаго Собранія“.

Участники ноябрьскаго сѣзда впоследствии распредѣлились между партіями "мирнаго обновленія", "союза 17-го октября“, "демократическаго союза конституціоналистовъ" и т. д. Всѣ правые члены сѣзда — братья Гучковы, гр. Гейденъ, кн. Волконскій, Стаховичъ и др., естественно, голосовали противъ включе-

1) См. «Право». — № 41 отъ 25 окт. 1905 г. — Ст. 3404, 3475 и 3477.

нія въ резолюцію требованія Учредительнаго Собранія. Но въ этомъ голосованіи солидарными съ ними оказались и многіе члены съезда, принадлежавшіе къ конституционно-демократической партіи и входившіе въ руководившее съездомъ Бюро. Отъ имени послѣдняго П. Н. Милюковъ внесъ и защищалъ резолюцію, которая и была принята большинствомъ голосовъ : 204 противъ 23. Резолюція требовала отъ правительства "немедленнаго изданія акта о возможно скорѣйшемъ созывѣ народныхъ представителей всеобщей, прямой, равной и закрытой подачей голосовъ и о формальной передачѣ первому собранію народныхъ представителей учредительныхъ функций для выработки, съ утверженія Государя, конституціи Россійской Имперіи, для переустройства на демократическихъ началахъ земскаго и городского самоуправленія и для проведенія иныхъ мѣръ, необходимыхъ при установленіи новаго правопорядка (1).

Съ созывомъ Государственной Думой, въ процессѣ ея борьбы за существованіе и расширеніе своихъ правъ, — первая часть этой формулы отпала; осталась лишь вторая — "передача первому собранію народныхъ представителей учредительныхъ функций" и т. д. Такимъ образомъ видоизмѣненной формулѣ въ теченіе революціоннаго періода — конца 1905 и первой половины 1906 г.г., суждено было играть роль неофициальнаго выраженія программно-тактическихъ взглядовъ к.-д. партіи. Официальная же программа партіи, прокламирующая въ 57 статьяхъ-тезисахъ основныя права гражданъ и принципы государственнаго устройства, финансовой и экономической политики и т. д., ни словомъ не упоминаетъ ни объ Учредительномъ Собраніи, ни о передачѣ учредительныхъ функций первому собранію народныхъ

1) См. Отчетъ о съездѣ въ «Правдѣ». — № 45-46, ст. 3703.

представителей, ни о какомъ бы то ни было иномъ пути или методѣ воплощенія въ жизнь провозглашаемыхъ партией началъ.

Формула о передачѣ первому народному представительству учредительныхъ функций внесла не мало смуты въ политическое самосознаніе русской общественности. По внутреннему своему смыслу она исходила, по существу, изъ той же точки зрѣнія, съ которой кн. Григорій Волконскій, еще въ началѣ 1903 г. излагалъ свой "Взглядъ на современное положеніе въ Россіи". По мнѣнію кн. Волконскаго, "планъ русской конституціи можетъ быть успѣшно выработанъ только Учредительнымъ Собраніемъ, а это законодательное собраніе можетъ, въ свою очередь, появиться лишь съ соизволенія Государя Императора, какъ результатъ совмѣстной работы Земскаго Собора и правительства, послѣ того, какъ этотъ Соборъ высказался бы за переходъ къ конституціонной монархіи" (1).

Въ передачѣ учредительныхъ функций законодательному собранію одни склонны были видѣть отрицаніе Учредительнаго Собранія или, во всякомъ случаѣ, нѣчто весьма отличное отъ послѣдняго. "Учредительныя функции Думы — это вовсе не равнозначуще Учредительному Собранію", заявилъ проф. Е. Трубецкой на съѣздѣ въ ноябрѣ. (См. "Право" № 44, ст. 3625). Другіе хотѣли видѣть "въ учредительныхъ функцияхъ" лишь менѣе "отвлеченную и доктринерскую" постановку вопроса объ Учредительномъ Собраніи, — какъ выразился П. Н. Милуковъ (2). "Если члены к.-д. партіи вотировали противъ Учредительнаго Собранія, то въ этомъ слѣдуетъ усматривать несогласіе съ названіемъ,

1) Кн. Григорій Волконскій «Взглядъ на современное положеніе въ Россіи». — Штутгартъ. 1903. — Стр. 6.

2) См. П. Н. Милуковъ: «Годъ Борьбы». — Публицистическая Хроника. 1905—1906. — СПб. 1907. — Стр. 123.

а не съ сущностью его“, -- авторитетно разъяснилъ авторъ передовой статьи въ "Правѣ" № 45-46. 'По существу не предъявляется возраженій противъ Учредительнаго Собранія, желательно лишь измѣнить на званіе, въ виду того того спеціального характера, который придается этому понятію партіями социаль-демократовъ и социалистовъ-революціонеровъ". (Тамъ же, ст. 3662).

Условность толкованія новой формулы подчеркивалась зависимостью отъ того, кто, когда и предъ кѣмъ ее интерпретировалъ. Такъ П. Н. Милуковъ, обращаясь къ общественному мнѣнію не Россіи, а Западной Европы, въ письмѣ въ «Correspondance Russe» писалъ тогда же: "Я говорилъ графу Витте, что при современномъ состояніи кризиса — величайшій рискъ вести Россію къ нормальному положенію путемъ тройныхъ выборовъ: въ неправильную Думу, которая составитъ правильный избирательный законъ, потомъ — въ Учредительное Собраніе, собранное на основаніи этого закона, и, наконецъ, уже — въ нормальное законодательное собраніе на основаніи хартіи, какую дастъ Учредительное Собраніе. Я говорилъ, что путь этотъ слишкомъ длиненъ, чреватъ боковыми толчками и катастрофами... и что при недовѣріи общества къ октроированной хартіи, всего лучше сократить путь прямымъ созывомъ Учредительнаго Собранія, какъ и требуетъ того русское общество". (1).

Новой политической формулѣ была придана и новая теорія.

Учредительное Собраніе, согласно этой теоріи, оказывалось компетентнымъ лишь для выработки конституціи и только ея одной. Между тѣмъ разрѣшеніе и другихъ, формально неконституціонныхъ вопросовъ

¹⁾ «Годъ Борьбы», стр. 183-184

также не терпитъ отлагательства. Заниматься текущей законодательной работой, выходящей за предѣлы работы основныхъ законовъ, — Учредительное Собраніе не призвано. Ожидать созыва послѣ Учредительнаго новаго законодательнаго собранія — не позволяетъ время. Выходъ изъ положенія — возможность совмѣщенія функций Учредительнаго Собранія съ обычными законодательными функциями — даетъ законодательное собраніе, надѣленное учредительными функциями.

Въ помощь такой конструкціи была призвана исторія. И проф. В. М. Гессенъ намѣтилъ два историческихъ типа Учредительныхъ Собраній въ зависимости отъ способа ихъ возникновенія. Одни Учредительныя Собранія создаются въ результатѣ торжества революціи и надѣлены суверенитетомъ. Другія созываются иногда, правда, ущербленной въ своемъ престижѣ, но все же существующей верховной властью, и потому суверенитетомъ не пользуются; во всякомъ случаѣ, — не пользуются имъ безраздѣльно. Созывъ такихъ Учредительныхъ Собраній предусмотрѣнъ почти всѣми конституціями въ тѣхъ случаяхъ, когда возникаетъ вопросъ объ измѣненіи конституціи.

Искусственность этой теоріи, приспособленной къ практическимъ нуждамъ времени и мѣста, Россіи 1905 года, бьетъ въ глаза. Учредительное Собрание, не обладающее суверенитетомъ, конечно, не есть Учредительное Собраніе, въ собственномъ смыслѣ слова, — начинающее собой новый правовой рядъ. Это особенно относится къ тѣмъ Учредительнымъ Собраніямъ, которыя созываются при отсутствіи опредѣляющаго ихъ созывъ конституціоннаго текста, когда они собираются не для пересмотра дѣйствующей конституціи, согласно предусмотрѣнному ею порядку, а со спеціальной цѣлью впервые установить конституцію въ странѣ.

Западно-европейская практика знает примѣры Учредительныхъ Собраній съ заранѣе точно очерченной компетенціей. Но она знаетъ также, что обыкновенно такія Учредительныя Собранія не удерживались въ предѣлахъ тѣхъ вопросовъ, для разрѣшенія которыхъ они были созданы. Обыкновенно они выходили далеко за эти предѣлы. Такъ сдѣлало послѣднее Учредительное Собраніе во Франціи въ 1871 г. Такъ поступило бельгійское Учредительное Собраніе въ 1830 г. То же произошло и съ англійскимъ Долгимъ Парламентомъ въ XVII вѣкѣ.

Произвольно ограничивая и суживая компетенцію Учредительнаго Собранія, новая теорія столь же произвольно расширяла до безпредѣльности полномочія законодательнаго собранія съ учредительными функциями. Предѣлы полномочій были намѣчены довольно просто: путемъ арифметическаго сложения функций учредительныхъ съ функциями нормальнаго законодательства. Полученная сумма была присвоена *ad hoc* придуманному учрежденію. Такъ создавалась новая конструкция взамѣнъ до того пользовавшаяся общимъ признаніемъ различія учредительнаго и законодательнаго собраній не по способу ихъ возникновенія, а по содержанию и объему ихъ полномочій или функций. Учредительное Собраніе, осуществляющее функции чрезвычайнаго законодательства, т. е. полномочія юридически болѣе высокаго порядка или болѣе широкаго объема, при такомъ различіи, естественно, включало въ себя, какъ элементъ или проявленіе, и функции нормальнаго законодательства. И ни для какого противопоставленія Учредительнаго Собранія собранію законодательному, надѣленному учредительными функциями, при такомъ пониманіи не оставалось мѣста.

Новая теорія создавалась подъ явнымъ давленіемъ политическихъ соображеній, для оправданія опредѣленнаго тактическаго плана.

Невзирая на оффиціальное заявленіе о томъ, что вопросъ "согласятся ли ввести политическую свободу сверху" уже не существуетъ, этотъ вопросъ большѣ другихъ тревожилъ политическую совѣсть руководителей партіи к.-д. съ перваго же дня образованія партіи. Отвѣтственные лидеры ея не разставались съ мечтой о "реформѣ" сверху взамятъ "ниспроверженія" снизу. Отсюда ихъ готовность подчинить рѣшенія Учредительнаго Собранія "утвержденію Государя"; отсюда — ограниченіе компетенціи Учредительнаго Собранія "составленіемъ основного закона" взамятъ "полноты власти", которую могла бы не "требовать", а "взять" побѣдоносная революція; отсюда — заявленіе, что "истолкованіе термина "Учредительнаго Собранія" въ смыслѣ "республиканскихъ" стремленій только что народившейся партіи народной свободы" равносильно "клеветнической дѣятельности"; отсюда, наконецъ, — подчеркнутое отмежеваніе отъ того смысла, который придавался требованію Учредительнаго Собранія революціонными партіями (1).

Соблазнившая партію к.-д. мечта не оставляла ее, несмотря на всѣ уроки жизни. Ни упорная неуступчивость власти, ни неожиданно-блестящая побѣда партіи на выборахъ въ первую Государственную Думу не побудили ее отступить отъ первоначальной тактики. На партійныхъ совѣщаніяхъ, на публичныхъ собраніяхъ и лекціяхъ, въ печати и изустно В. М. Гессенъ, П. Н. Милюковъ, П. Б. Струве и другіе доказывали предпочтительность формулы "законодательное собраніе съ учре-

¹⁾ См. очень выразительныя въ этомъ отношеніи строки у П. Н. Милюкова: «Годъ Борьбы» — Стр. 154—155 и 273—274.

дительно-функциональными" съ точки зрѣнія государствен-но-правовой, исторической и реально-политической (1).

Самый манифестъ 17-го октября пробовали истолковать въ смыслѣ признанія начала народнаго представительства съ учредительными функциями. "Въ манифестѣ 17 октября дальнѣйшее развитіе главнѣйшаго кореннаго общественнаго пожеланія -- "общаго избирательнаго права" — было представлено уже не разсмотрѣнію верховной власти, а сужденію Думы. На языкѣ государственнаго права это значило, что Дума получала "учредительныя" функции. Функции эти были еще расширены прямымъ признаніемъ правительства, что Думѣ же принадлежитъ и окончательное изданіе законовъ о "свободахъ", вмѣсто публикуемыхъ нынѣ "временныхъ правилъ" (2).

Искусственная тенденціозность такого толкованія, принадлежавшаго Милюкову, становится особенно рельефной, если вспомнить, что предшествовавшимъ семнадцатому октября манифестомъ 6 августа Государственная Дума учреждалась, какъ "особое законосовѣщательное установленіе". 17-го октября Дума была преобразована въ установленіе законодательнаго характера. И только. Перемѣна была значительная. Но никакихъ спеціальныхъ учредительныхъ функций Думѣ не было придано. И этого нельзя было прочесть ни "на языкѣ государственнаго права", ни въ текстѣ манифеста.

Такъ могуча и неистребима была вѣра въ "учредительныя функции" Думы у авторовъ и апологетовъ этихъ функций, что ее не поколебали даже акты 20 февраля 1906 г., односторонней волей верховной власти

1) См. статью А. Леонтьева: «Учредительное Собраніе въ ежемѣс. журналѣ—«Русское Богатство» № 11—12 за 1905 г., стр. 136, 137 и 140.

2) См. «Годъ Борьбы».—Стр. 273. *

декретировавшие сверху "Учреждение Государственной Думы" и, рядомъ съ нимъ, — "Учреждение Государственного Совѣта". Мы указывали уже въ нашей газетѣ, — писалъ П. Н. Милуковъ въ "Рѣчи" въ послѣднихъ числахъ марта 1906 г., — что даже и законы 20 февраля оставляютъ полную возможность "реформы", такъ какъ не относятъ подлежащія измѣненію основы нашего конституціоннаго устройства къ незыблемымъ "основнымъ законамъ". До тѣхъ поръ, пока дѣло остается въ такомъ положеніи, — созданномъ всѣми предыдущими актами, — путь "реформы" остается открытымъ и практика "учредительныхъ функцій" Думы ничѣмъ и никому грозить не могутъ... Въ перечнѣ пунктовъ, которые должны составить содержаніе будущей конституціи, ни учрежденіе Думы и Совѣта, ни избирательный законъ, ни законы о свободахъ не введены. Такимъ образомъ, остается надежда, что "учредительныя функціи" Думы не встрѣтятъ препятствія въ прямомъ запрещеніи закона". (См. "Годъ Борьбы", стр. 274-275).

Наконецъ, и послѣ 23 апрѣля, когда съ изданіемъ "Основныхъ Государственныхъ Законовъ", забронированныхъ и Учрежденія Думы и Совѣта, и избирательный законъ отъ какихъ бы то ни было "учредительныхъ" поползновеній съ чьей бы то ни было стороны, помимо верховной власти, когда "практика "учредительныхъ функцій" Думы" отпала прежде всего потому, что была распущена самая Дума, — и тогда надежды на то, что путь "реформы" все-таки не окончательно закрыть, не покинули тѣхъ, кто "въ постановкѣ вопроса объ Учредительномъ Собраніи русской интеллигенціей" видѣлъ и не перестаетъ и сейчасъ видѣть много "отвлеченнаго и доктринерскаго".

Помимо указанныхъ главныхъ политическихъ партій и программъ, существовали и другія. Почти всѣ онѣ

датируются 1906 г., когда впервые открылась возможность легального существованія партій. Нѣкоторыя изъ нихъ включили въ свои программы требованіе Учредительнаго Собранія. Такъ, "радикальная партія" считала "своей ближайшей задачей немедленный созывъ Учредительнаго Собранія на основахъ всеобщаго для всѣхъ гражданъ и гражданокъ равнаго, прямого и тайнаго голосованія" (1). То же требованіе, въ нѣсколько иной редакціи: "созывъ Учредительнаго Собранія, основаннаго на всеобщей, прямой, равной и тайной подачѣ голосовъ всѣхъ гражданъ, достигшихъ 25 лѣтъ, безъ различія національности и вѣроисповѣданія", — заявила и партія свободомыслящихъ" (2).

Наконецъ, лѣтомъ того же 1906 г. выработанъ былъ проектъ программы народно - социалистической партіи подъ лозунгомъ: "все для народа и все черезъ народъ". Свой съѣздъ партія собрала впервые только въ іюнѣ 1917 г. Но уже въ 1906 году образовался "Организаціонный комитетъ" партіи. "Главное назначеніе проектируемой народно-социалистической партіи—писать тогда же одинъ изъ ея основателей и идеологовъ—заполнить пробѣлъ, неизбѣжно оставляемый дѣятельностью существующихъ социалистическихъ партій", закрытыхъ, въ силу своей конспиративности для широкихъ массъ (3). "Открытая и демократически настроенная" народно-социалистическая партія стремилась "собрать" и "включить въ рамки" своей легальной организаціи эти массы, поскольку онѣ не умѣщались въ предѣлахъ остававшейся

1) См. «Полный Сборникъ Платформъ всѣхъ русскихъ политическихъ партій»—Изд. второе ННШ.—1906. Стр. 31.

2) Тамъ же, стр. 33.

3) См. «Народно-Социалистическія Обозрѣнія».—Выпускъ первый. 1906 г.—СПБ.—Стр. 6—Ст. В. Микотина: «О народно-социалистической партіи».

нелегальной партіи социалистовъ-революціонеровъ, изъ рядовъ которой вышли первоначальные основатели, идеологи и лидеры новой партіи. Программа народно-социалистической партіи возлагала свои "надежды" "не на диктатуру какого-либо одного класса, а на силы и волю всего народа"; она видѣла "передъ собою только одну цѣль—народное благо, и знала къ ней только одинъ путь—черезъ народную волю". "Исходя изъ основного своего положенія, что судьба народа должна быть устраиваема самимъ народомъ", народно - социалистическая программа обѣщала добиваться созыва Учредительнаго Собранія, которое обладало бы "всею полнотою власти для устройства политической и социальной жизни страны" (1).

Организаціонный Комитетъ народно - социалистической партіи воздержался отъ включенія въ свою программу пункта съ требованіемъ демократической республики. Формально "за установленіе въ Россіи демократической республики", н.-с. партія высказалась впервые лишь въ мартѣ 1917 года (2). Такое воздержаніе отъ обычнаго для социалистическихъ и революціонныхъ программъ требованія вызывалось не столько невѣрностью демократическимъ началамъ, сколько уклоненіемъ отъ революціоннаго принципа. Оно объяснялось соображеніями тактическими: желаніемъ во что бы то ни стало удержаться на поверхности жизни, быть легальной, не уходить въ подполье. Если не считать отмѣченнаго уклона, о народно - социалистической программѣ

¹⁾ См. «Программа трудовой (народно-социалистической) партіи (подлежащая утвержденію учредительнаго съѣзда партіи)—Стр. 4, 5 и 11.

²⁾ См. «Бюллетень Московскаго Комитета народно-социалистической (трудовой) партіи». № 1.—М. 1917 г.—Стр. 11. Примѣчаніе.

можно съ полнымъ правомъ сказать, что идеологически она полнѣе всѣхъ другихъ политическихъ партій насыщена началами народоправства и народовластія.

Этимъ программамъ практически не суждено было стать достояніемъ не только широкихъ слоевъ народа, но и болѣе ограниченныхъ круговъ русскаго образованнаго общества. Народно - социалистическую программу сдѣлалъ своей лишь болѣе или менѣе узкій кружокъ профессиональныхъ литераторовъ и ученыхъ, группировавшихся вокругъ журнала "Русское Богатство". О программахъ партій радикальной и свободомыслящихъ нельзя сказать и этого. На политической аренѣ, открытой или подпольной, литературной или какой иной, представителей этихъ партій не было ни слышно, ни видно. Только въ анналахъ 1906 года можно найти самыя названія этихъ партій.

Въ революціонномъ и оппозиціонномъ движеніи начала XX-го вѣка содержаніе и развитіе политическаго самосознанія Россіи, по преимуществу, опредѣлялись идеологіей партій с.-д., с.-р. и к.-д.

На исходѣ первой фазы русской революціи, въ 1905-1906 гг., социаль-демократія политическое удареніе ставила въ своей программѣ не на "демократію", а на то, что ея подразумѣвалось подъ частицей "социаль". Социалисты-революціонеры, оставаясь въ принципѣ социалистами и народниками - демократами, свою ударную силу сосредоточили прежде всего на революціи, такъ таковой, въ расчетѣ черезъ нее придти и къ демократіи, и къ социализму. Наконецъ, конституціонно-демократическая партія на протяженіи всего этого періода сохранила два варианта, аспекта или лика своей идеологіи: болѣе ярко выраженный ликъ конституціонный, довѣрчиво устремленный въ сторону единенія съ мо-

нархомъ, путемъ реформы сверху; и другой — менѣе рѣшительный, временами почти конфузливый ликъ демократическій—въ сторону единенія съ народомъ и признанія началъ послѣдовательнаго народоправства. Это признаніе, впрочемъ, все-таки не доходило до того, чтобы открыто и официально включить въ свою программу требованіе Учредительнаго Собранія.

Политическая дѣйствительность російскаго абсолютизма была полярно противоположна и стихійно враждебна началамъ народоправства и народовластія. Казалось, только пылкіе мечтатели, неисправимые идеалисты и оптимисты, при всякихъ условіяхъ взыскающіе новаго града, могли думать и говорить объ Учредительномъ Собраніи, какъ воплощеніи послѣдовательнаго демократизма, въ годы безпросвѣтной реакціи XIX и XX вѣковъ. Реальнымъ политикамъ, трезвымъ и искушеннымъ, Учредительное Собраніе рисовалось настолько отдаленнымъ идеаломъ, осуществимымъ быть можетъ, только въ весьма неопредѣленномъ историческомъ будущемъ, — что этотъ идеаль легко было принять и выдать за идола, которому поклоняется и молится, принося свои жертвенныя гекатомбы, свободолюбивая, но беспочвенная и доктринерская русская интеллигенція.

Пока Учредительное Собраніе оставалось въ мірѣ идей, мечтой, которой жили и за которую умирали поколѣнія русскихъ народолюбцевъ, борцовъ за право и права народа, оно не получило ни достаточно полного и послѣдовательнаго обоснованія, ни даже всеобщаго и безспорнаго признанія. Политическое самосознаніе оставалось еще далекимъ отъ того, чтобы признать Учредительное Собраніе цѣнностью безусловной и абсолютной, самой себѣ довлѣющей, независимо ни отъ

какихъ преходящихъ обстоятельствъ и соображеній партійной стратегіи или тактики.

Чтобы могло родиться и окрѣпнуть такое сознание, мало было пораженія революціи 1905-1906 г. Недостаточной, увы, оказалась и побѣда революціи въ мартѣ 1917 г.

Маркъ Вишнякъ.
